

Погиб — в 1946 году, умер — в 1958 году

**Вот уже 40 лет,
как нет с нами
Михаила
Зощенко**

Было ведь посовещено: имеющий глаза — да увидит, имеющий уши — да услышит! Как вы знаете, широкого применения этот призыв не получил.

У Михаила Михайловича Зощенко был именно этот талант — он и видел, и слышал. Причем я бы не сказал, что обнаруживал нечто потаенное. Да нет, совершенно очевидное. Чему и поставил диагноз. И не «опосля», а прямо в зачатках бедствия.

Диагноз был — сокрушительное невежество! И Зощенко дал в своих рассказах этому невежеству выговориться, дал невежество как бы свой автопортрет отобразить.

Я недавно перечитал «Мертвые души» Николая Васильевича Гоголя и расхохотался — да это же все про меня! То есть, кроме, правда, Чичикова, я нашел в себе всех — и Ноздрева, и Манилова, и Коробочку, и даже зятя Мihuева... У Михаила Михайловича Зощенко «найти» еще проще.

Тем не менее население до упаду хохотало, слушая, как Зощенко читает свои рассказы. Видимо, над кем-то хохотало.

Вот и возникает правильный вопрос: любили ли Зощенко? Женщины — очень! Он был красив и обходителен. Воспитанный был мужчина. С офицерскими понятиями о чести.

А каково было отношение к его склонности писать на бумаге? Тут ведь он обходителен не был.

Еще на выпускном экзамене в 8-м классе Миша получил «двойку» за сочинение о «Дворянском гнезде». Как видите, рано начал «плохо» писать. Не понравились его впечатления о дворянстве.

Затем не понравились впечатления и о недворянстве. Уже в 1923 году критик пригвоздил: «Не рассказы это все, а просто анекдоты, вроде аверченковской юмористики, только, пожалуй, еще сортом ниже». Еще ниже!

Наиболее разоблачительно высказался некий прохожий, который непримиримо обрушился на Михаила Михайловича прямо на Литейном проспекте: «Где вы видели такой омерзительный быт? И такие скотские нравы?». И впрямь! Где, знаете ли?

Что касается генерал-лейтенанта по вопросам литературы Жданова, то он, совершенно опреде-

ленно, писателя не любил. Причем от имени всего Политбюро, а значит, и всего советского народа. Поскольку ведь именно в Политбюро располагались ум, совесть и честь.

Что касается совести, чести, да и ума — тоже... Если помните, Жданов яростно топтал Михаила Михайловича главным образом за оскорбляющий советского человека рассказ «Приключения обезьяны». Рассказ этот, естественно, еще никто тогда не читал, но негодовать все равно пришлось в едином порыве. Всенародно одобряя разбойную расправу над якобы обидевшим якобы весь народ писателем.

Совсем недавно я нашел этот рассказ и, наконец, прочитал. Слушайте, это же весьма для Зощенко-то незатейливое сочинение. И по «остроте» эта безобидная обезьянка вполне соответствует детскому журнальчику «Мурзилка», где рассказ был опубликован.

То есть партийные бонзы даже не удосужились подыскать что-нибудь «подходящее» — и детский рассказик сойдет! Вот так бандит подходит в переулочке: «Дай закурить!». И этого «повода» вполне достаточно, чтобы изувечить. Бандиты есть бандиты!

Михаила Михайловича изничтожили за нехолопское творчество. За невыносимое для партийных бонз величие души, за то, что не виделась ему жизнь постоянным двором для соумышленников генерала Жданова.

Впрочем, кто-то продолжал не любить и посмертно. Недавно — именно в годовщину рождения Михаила Михайловича — эти «кто-то» разрушили надгробный ему памятник. Помнят! А кто-то «не помнит». Не поверите — ни в «Краткой литературной энциклопедии» (1964), ни в «Советском энциклопедическом словаре» (1964), ни в «Советском энциклопедическом словаре» (1964) в статьях о Зощенко ни слова о его казни в 1946 году топором «Постановления о журналах «Звезда» и «Ленинград».

Какая долгая кончина: в августе 1946 года — погиб, в июле 1958 года — умер.

Его дарственная надпись на книге другу: «О, мои грустные опыты! И зачем я хотел все знать? Вот теперь не умру так спокойно, как надеялся».

Веч. Москва — 1998 — 29 июля — с. 7.